

Амариллис смотрела, как машина отъезжает, отслеживая её, пока она не скрылась с глаз. Разумеется, она запомнила последовательность глифов, ещё когда они купили ферму и провели инвентаризацию, но никогда не повредит подтвердить. Было сложно представить сценарий, в котором это будет важно, но у Амариллис хорошая память, и это ей ничего не стоит.

- Пойдём - сказала она Граку. - Нам нужно отойти, прежде чем переместимся. Не больше пяти минут. Просто хочу, чтобы у нас было место высадки, о котором они не знают.

- Ты им не доверяешь? - спросил Грак.

- Они могут стать другими персонами, пока нас не будет - ответила она. Грак кивнул.

- А я? - спросил он.

- Если ты тот, кого я знаю последние несколько недель, - ответила она, что в общем-то не было ответом - то ты знаешь, что спрашивать о моём доверии бесполезно.

- Учтено - сказал он, кивнув.

Во время телепортации она была настороже. Требовалось держать ключ на виду, с физическим контактом с ненадёжным союзником, и даже если использовать быстро, оставалось как минимум несколько моментов, в которые не осознаёшь окружение. А ещё это был, вероятно, самый ценный предмет, которым она может обладать, намного ценнее любого индивидуального наследия, на которые у неё есть права. Ключи были не особо хрупкими, но она не могла не держать его как нечто хрупкое. (Ну, на самом деле могла, если надо, было бы несложно преодолеть инстинкт, просто такой нужды никогда не было, так что она уступала чувству ценности).

Телепортация, как всегда, была болезненной, но боль быстро исчезла, и как только она пришла в себя, ключ скрылся в Плаще Листьев.

Перед ней стоял Хребет Мира, закрывающий горизонт, хоть они и находились во множестве миль от подножия. Воздух здесь был чище и свежее, чем на ферме у Парсмонта, и одобрен ароматом природы, а не агрикультуры. Они были неподалёку от того места, где она была несколькими днями ранее. В тот раз она отметила подходящее место, пройдя по спирали, которая была легко видима из обзора, предоставляемого ключом телепортации.

- Нам нужно место с хорошим освещением - сказала она, оглядываясь - Думаю, лучше этого не найдём.

Горы тянулись параллельно курсу солнца, и это означало, что можно не беспокоиться о том, что бутылка окажется в тени Хребта Мира. Это было идиллическое место, хотя ему не

повредила бы толика упорядоченности. В диких уголках мира есть своя красота, но это неидеальная красота; хаос случайного процесса может приносить приятный результат, но человеческие руки всегда могут его улучшить.

- Доверишь мне обереги? - спросил Грак.

- Тебе начало действовать на нервы? - спросила она в ответ.

- Это был просто вопрос - сказал Грак.

- Приму это как "да" - ответила она. Дворфы были, как правило, одним из самых прямолинейных смертных видов, но это в основном культурное, а Гракуил Лидбрэйдс был довольно отдалён от культуры своего рода. Он провёл достаточно времени в афинее, чтобы частично ассимилироваться, и достаточно изучил английский, чтобы неплохо им владеть. У него оставался заметный акцент, и больше того, его манера речи оставалась характерно дворфийской, но он больше не был дворфом кланов, он был эмигрантом.

Его было сложно читать. На неродном языке проще лгать, если только его знанием не наделила татуировка перевода или некая более редкая форма магии с эквивалентной функцией, вроде языковых колец Элсиона или Терридокских линков. Говорящие на неродном языке временами делают паузы, чтобы подобрать слова, так же как те, кто лгут, и отдалённость от слов, которые произносишь - хороший способ не чувствовать силу своей лжи. Вдобавок к этому большая часть лица Грака была скрыта густой бородой, и его выражения лица были те, что свойственны клановым дворфам, отличались от человеческих. Идиома "каменное лицо" не просто так появилась в английском в то время, как Англичинн начал широко взаимодействовать с дворфами.

Для Амарилиис попытки читать Грака были как пытаться читать книгу, автор которой всё время использует незнакомые слова и фразы, которые нужно понимать по контексту.

Это не было невозможно, лишь очень сложно, и в последние несколько дней она прикладывала куда больше усилий, чем обычно, чтобы понять, не скрывает ли он что-то. Главной сложностью в этом деле было то, что помимо самой проблематичности чтения Грака, если он притворялся, то притворялся собой, и по опыту Амарилиис это самая простая ложь.

- Так мне ставить обереги или нет? - спросил Грак.

- Ставь - ответила Амарилиис.

Риски были очевидны. Если Грак был под влиянием Фаллатера, то он мог установить обереги так, что сможет взять локус в заложники, что даст ему рычаг в будущих переговорах. Обереги, как правило, невидимы, и только другой обережник может проверить работу, что в данном случае было не вариантом по очевидным причинам. Амарилиис решила, что готова рискнуть этим, ещё до прибытия сюда. Если не использовать обереги, которые может

обеспечить Грак, то случайное животное или человек может наткнуться на бутылку и унести её, или стихия может подвергнуть её и локус внутри опасности. Эти риски на её взгляд перевешивали угрозу обретения Фаллатером преимущества, особенно учитывая, что это преимущество будет вынужденно очевидным.

Второй риск был ещё проще. Если она не будет внимательно наблюдать за Граком, он может попытаться окружить её и поймать в обереге, но она планировала внимательно наблюдать за ним, и следить, чтобы его жезл оставался в пределах нескольких футов от бутылки.

Она будет счастлива, когда всё это закончится, и она сможет относиться к нему просто как к другу и союзнику.

- Ты всё время будешь за мной наблюдать? - спросил Грак, проводя свои обереги. По плану они должны будут провести здесь два часа, затем вернуться туда, где должны ждать Джунипер и Фенн.

- Хочешь поговорить о том, что тебя беспокоит? - спросила Амариллис.

- В этом нет смысла - ответил Грак. Раздражение, отвращение, эти эмоции Грак и раньше легко демонстрировал.

- Ты вроде бы легко принимал принятые нами из-за неопределённости ситуации решения - сказала Амариллис. - Я бы спросила, что изменилось, но полагаю, что ответ просто время и изоляция. Никому не понравится быть отрезанным от группы, даже если они часть этой группы только потому, что им платят золотом.

Грак буркнул, и выпустил воздух из своих широких ноздрей.

- Ты всё ещё планируешь покинуть нас, когда добудешь свои тысячу фунтов покаяния? - спросила Амариллис. Вопросы служили двум целям, первая - очевидная, поверхностная, а вторая - возможность понаблюдать за тем, как он отвечает, чтобы лучше его прочитать.

В каком-то смысле это напоминало её время при Дворе Потерянного Короля, работа на разных уровнях, невозможность никому доверять, необходимость полагаться на известные и демонстрируемые стимулы, чтобы понимать, что на самом деле планируют окружающие. Это была жизнь, которой она жила с рождения до заключения в тюрьму, и здесь, хоть и без прежних ресурсов, она играла в те же игры. Это было не слишком приятным для неё сравнением, учитывая, как закончилась её последняя активность в политике.

((((Вероятно, на этом месте вы задумались - "разве не от лица Джуна ведётся рассказ? Откуда он всё это знает, и почему говорит от третьего лица?" И здесь, в надёжном укрытии трёх скобок, я могу вам сказать: часть из этого, возможно, в реальности произошло не именно

так. У нас и так уже понятие "произошло в реальности" довольно расплывчатое, но я имею в виду "могло не происходить" не в том смысле, что народ исчезает, когда я на них не смотрю, и их история пишется для них Данжи Мастером в соответствии с требованиями повествования, когда они снова становятся для меня важны. "Могло не происходить" я тут имею в виду в том смысле, что это некая моя попытка воссоздания событий, основанная на той информации, которой у меня не было на момент конца прошлой главы, и не будет на момент конца этой. Тут такое дело - если бы вы узнали это как узнал я, то это была бы затянутая и непонятная путаница, так что я взял на себя свободу интерпретировать и литературно расписать всё, чтобы предоставить нечто членораздельное. Надеюсь, вы не возражаете))).

- Я думаю о том, чтобы уйти - сказал Грак. - Плата лучше, чем где-либо. Опыт был интересен. Опасен. Связь с Джунипером...

Он прервался, что с его стороны было демонстрацией приобретённой тактичности.

- Никто из Рыцарей Утера Пенндрайга никогда не переставал ему служить, во всяком случае надолго - сказала Амариллис. - Время от времени они уходили в отставку, но всегда возвращались на последнее приключение, иногда больше чем одно. И иногда они умирали. Я толком не обсуждала с ним этот аспект нарративной теории, но мой интерес к этому должен быть очевиден.

Грак фыркнул, но ничего не сказал. Она провела с ним недостаточно времени, чтобы различать его фыркание на том уровне, который что-то ей говорил бы. То, как он выглядел нежелаящим продолжать разговор, тоже не было нехарактерным для него; однако это было очень удобно для него, если он что-то от неё скрывал. Она полагала, что если с его душой было проделано некое изменение, он будет это знать и активно скрывать от неё, но это было мягким предположением, не твёрдым. Так же вполне возможно, что он просто Гракуил Лидбрэйдс, та же персона, кем был с момента встречи с ним в башне Ауманна.

- Это начинает утомлять - сказал Грак после паузы.

Она не ожидала, что он продолжит разговор, и думала о том, что будет неплохо создать ещё оду метку для ключа телепортации, пройдясь по спирали поменьше, чтобы в следующий раз было место для высадки.

- Подозрения? - спросила она, сохраняя мягкий и симпатизирующий тон, внимательно наблюдая за ним, но не напрягая мышц лица. Он продолжал свою работу, временами хмурясь, когда отступал и изучал через монокль, что усложняло задачу его чтения.

- Мне нужно следить, что говорю - ответил он. - Я не могу выдвигать никаких предложений из страха, что они меня подставят. Это раздражает больше, чем я ожидал. Предосторожности разумны. Я хотел бы, чтобы не я был их целью. Вы самое близкое к друзьям, что у меня есть.

- Прошу прощения - сказала она. - Вскоре Джунипер будет способен заглянуть в твою

душу, и это больше не будет нужно

Грак кивнул.

- Мне это не нравится.

- Даже несмотря на то, что это выведет тебя из-под подозрения? - спросила Амариллис. Грак наконец глянул на неё.

- Я боюсь давать кому-то такую власть надо мной.

Это заставило Амариллис кивнуть. Она тоже, но этот рубикон уже был пройден.

((((Ну, ладно, это снова допущение с моей стороны, и Амариллис вряд ли подумала бы о Рубиконе, поскольку Рубикон - это река, которой нет на Аэрбе)))).

Она оставила его работать, регулярно оглядываясь, и направилась к одному из холмов возле лужайки, где деревья укроют её от взглядов любого, стоящего на страже, но позволят видеть бутылку - и тех, что могут быть поблизости, когда она вернётся её забрать, хочется надеяться в ближайшие несколько дней. У всей этой экспедиции, с её точки зрения, было три цели. Во-первых, она позволяла ей поговорить (и допросить) с Граком в попытке прояснить ситуацию с возможным обращением. Во-вторых, это позволяло разместить бутылку на свету, что необходимо, чтобы поддерживать гомеостаз экосистемы, находящийся в сложной ситуации из-за смерти Солэс и отсутствия способного заменить её друида. В-третьих, после обеспечения безопасности локуса они смогут открыто поговорить о нём с Фаллатером, и получить его совет по этому вопросу.

Она на пару минут потеряла Грака из вида, а затем взглянула на лужайку с вершины холма; он всё ещё устанавливал обереги. Она не спрашивала о природе этих оберегов, но могла предположить, что он выберет. В прошло она в нескольких ситуациях спрашивала его, но ему, похоже, не слишком нравилось говорить о своём ремесле, и её понимание оберегов было достаточно неразвитым, чтобы было слишком сложно найти контекст технических деталей.

Выбранный ей для отметки места паттерн, видимый через ключ телепортации, определялся в основном деревьями, но ей не нужно было что-то комплексное, поскольку место недалеко от большой спирали, которую она уже сделала на лужайке. Ей было больше особо нечем заняться. Ей не нравилось надолго отводить взгляд от Грака, даже если она больше не считала, что вероятность его скомпрометирования Фаллатером высока. Она думала, что его история сперва чужака в странной земле, а затем чужака, вернувшегося домой, делала его лучшим лжецом, чем большинство дворфов, и у него были врождённые качества, усложняющие его чтение, но она не думала, что он сможет стать совершенно другой личностью так, чтобы она не заметила. Тем не менее, полностью отбрасывать бдительность она не была готова.

В конце концов, какое-то время понаблюдав с расстояния, она направилась обратно. Судя по позиции солнца на небе, был ещё час до возвращения в Парсмонт. Она решила попрактиковаться в магии крови, пока Грак продолжает поднимать обереги; между временем, потраченным на установку оберегов, и их прочностью была связь, и поскольку у них было всего два часа, Граку понадобится всё доступное время.

Когда она была моложе, ей было сложно ждать, в основном из-за того, что бытие аристократа состояло из этого. И она не столько решила эту проблему, сколько укротила. Хотя импульс беспокоиться или действовать неосторожно оставался, он существовал лишь как импульс, не влияющий на её действия. Она села на траву в двадцати футах от того места, где Грак ограждал бутылку от всех возможных угроз, и начала медитативные упражнения, которые изучила в афинее, всё это время держа Грака на виду. Из-за чего медитация была не слишком успешной.

Примерно минут через двадцать, когда она передвигала огонь с одного пальца на другой, Грак пришёл в движение. Он использовал свой жезл, держа его у земли, и ведя относительно маленький круг - который, если продолжится, окружит её. Она немедленно встала.

- Что ты делаешь? - спросила она, отступая и хватая рукоять меча на поясе. Её вопрос нашёл ответ, когда она наткнулась на невидимую силовую стену позади. Она обернулась и прикоснулась к ней, пытаясь ощутить её форму, и быстро пришла к мрачному выводу. Что бы ни делал Грак сейчас, он уже окружил её. Она достала из плаща ключ телепортации и немедленно воспользовалась им, нацелившись по карте на Парсмонт, но когда активировала, обнаружила, что всё ещё остаётся на лужайке.

- Грак, что ты делаешь? - снова спросила Амариллис, позволив толике паники проникнуть в её голос, в надежде что если он решит, что она в отчаянии, то ослабит бдительность. Она присела, подобрала с земли камень размером с кулак, и изо всех сил бросила ему в голову.

Камень ударил его в подбородок, гораздо слабее, чем если бы у него не было такой густой бороды, и он остановился, на миг оглушённый, но затем взглянул на неё и продолжил. Когда она бросила второй камень, он был готов лучше, и поднял руку, защищаясь, ухнул от боли, но не остановился. После этого камни в зоне досягаемости, или скорее в пределах оберега вокруг неё, стали меньше, так что скорее раздражали, чем представляли собой угрозу.

Её инвентарь был маленьким, только доспех (который был бесполезен, если только она не хотела оставаться на одном месте, чего она отчаянно не хотела), плащ (в котором мало что находилось, поскольку его вместимость довольно ограничена, две марципановых феи (сейчас бесполезны), кристалл (бесполезен), и её меч (единственная вещь, от которой может быть какой-то толк). Она подняла его и попыталась сообразить, как его лучше использовать, но Грак осознавал его зону досягаемости и намеревался её избегать. Она проявила клинок и метнула его, целясь в руку с жезлом, надеясь, что сможет его разрубить, но Граку лишь вскользь зацепило руку, что вызвало лёгкое кровотечение но не остановило его.

Когда он завершил свой контур, создал ещё один, а затем ещё один. Наблюдая за ним, Амариллис старалась не слишком сосредотачиваться на том, как он создал изначальные обереги вокруг неё, один, очевидно, барьер от латентной магии крови, а другой явно предотвращал срабатывание ключа телепортации. Она была достаточно уверена, что он создал обереги вокруг бутылки, а затем толкнул их к ней, инверсия того, что сделал обережник Ауманна в Каэр Лага, что позволило ему войти, не разрушив обереги. Грак не раз говорил о туннелинге, но это было логической инверсией того подхода, выталкивание границ оберега, как палец через грязь. Именно так Грак окружил её, не сходя с места и на посторонний взгляд не отвлекаясь от задачи создания оберегов вокруг бутылки. В ретроспективе... нет, нет смысла тратить время на мысли о том, могла ли она это предвидеть. Если это было возможно, время ругать себя или раздумывать о вариантах найдётся потом - по крайней мере, она на это надеялась.

- Мы должны встретиться с Фенн и Джунипером меньше чем через час - сказала Амариллис.

Грак не ответил и продолжил работать над оберегами; когда он закончил, было пять контуров. Она знала об оберегах достаточно, чтобы понимать, что он строит тюрьму для неё; то, в чём он поймал её, было временным, но эти новые путы были прочнее, эффективнее, созданные на длительный срок.

- Что планируешь? - спросила она.

- Я доставлю тебя к Фаллатеру - сказал Грак. - Он изменит тебя для своих целей.

Он встал перед оберегами.

- Если отдашь ключ телепортации, мы сможем сделать это сейчас. Иначе я подожду, пока окажешься истощена от голода и нехватки сна, и заберу у тебя ключ.

Амариллис сунула ключ в свой доспех, разместив на груди, скверная идея с точки зрения распределения удара, но максимально надёжно. Она активировала способность доспеха запирается... и ничего не произошло. Со вздохом она вытащила ключ обратно.

- Оберег от крови, чтобы не дать мне выйти, оберег от телепортации, оберег от доспеха неподвижности? - спросила она, стараясь не допускать в голос гнев и напряжённость; они сейчас не помогут. - От чего четвёртый и пятый обереги?

- Ты достанешься Фаллатеру - сказал Грак, игнорируя её вопрос. - И когда это произойдёт, ему не понравятся попытки сопротивления.

Амариллис кивнула. Она была уверена, что это правда, что не делало ситуацию менее пугающей. С тем, как сейчас обстоят дела, ей полная, тотальная жопа. Даже если они не вернутся в Парсмонт, и Джунипер с Фенн насторожатся из-за того, что что-то пошло не так,

это ей на самом деле не поможет, поскольку без ключа телепортации нет возможности организовать спасение. У неё, учитывая её навыки и снаряжение, минимум вариантов. Она может попытаться убедить Грака, но это вряд ли сработает. Что ещё остаётся? Тянуть время, пытаться переконфигурировать свою душу, чтобы послать сообщение Джуниперу, надеяться, что Грак будет достаточно неосторожен, чтобы предоставить ей возможность... Ничего из этого не казалось многообещающим.

Самоубийство было вариантом. Превращение в инструмент против твоих собственных интересов, который радостно разорвёт всё, что важно, казалось хуже, чем смерть, но смерть бывает разной, и нет никаких гарантий, что если она сумеет убить себя, она будет бутылкирована и рассеется, а не отправится в ад на вечные муки. В душе*бстве, однако, было одно преимущество; это не навечно. Джунипер может её спасти.

Линк между их душами был главным вопросом. Если он работает в обе стороны, и Фаллатер может получить к нему доступ, то он заполучит и Джунипера, а через Джунипера - Фенн, что не оставит возможности спасения. Здесь требовался расчёт, неприятные взвешивания вероятности и цены, не только потому, что она подвергает других риску, но и потому, как будут выглядеть последствия, когда они поймут, что она подвергла их риску. Но если связь душ не позволит Фаллатеру изменить Джунипера с расстояния, то она даёт серьёзную вероятность дать Джуниперу некое преимущество в грядущей конфронтации, особенно потому, что он может исправить что бы там ни делал с ней Фаллатер.

- Ладно - сказала она. - Если выбирать между компрометацией и гранью смерти, а затем компрометацией, то я выбираю просто закончить с этим.

Что наконец подтолкнуло её к решению, это мысль, что возможная попытка бегства вероятнее преуспееет, если она будет на пике своих возможностей, и лучший шанс для бегства бывает во время транзита. Она бросила Граку ключ телепортации, и он поймал его одной рукой.

Она произнесла по молитве каждому из пяти богов, а затем финальную, шестую молитву Данжн Мастеру, которого Джунипер считал единственным истинным богом Аэрба. У молитв богам были собственные структуры, с мотивами и иконографиями, соблюдение которых ожидалось от благочестивых, даже если сами молитвы были практически бесполезны. Молитва Данжн Мастеру заставила задуматься, поскольку не существовало стандартов молитв тому, что является лишь теоретическим божеством.

Данжн Мастер, если уж я на твоих рельсах, то позволь мне прокатиться по ним весело. Если мне придётся бросать кости, знай, что я не против твоего муклежа. Размести передо мной данжу, и я пройду её. Размести передо мной дракона, и я сражу его. Я, превыше всего, твой игрок.

Грак подобрал её меч, затем попросил её плащ, и доспех. Она подчинилась; он определённо не спешил. Когда плащ, и всё, что в нём хранилось, оказался на его спине, он сжал оберег от магии крови, настроенный только на неё, пока она не оказалась сжата так, что едва могла двигаться. Только тогда он взял её за руку и использовал ключ телепортации.

Это был её шанс. Боль ещё не исчезла, и она ещё не поняла, куда он её доставил, но она изо всех сил врезала ему в лицо. Они были в закрытом пространстве, комната с кроватью и шкафом обыденного вида, ничего, что можно было бы использовать как оружие, единственный выход - дверь, и она врезала ему снова, чувствуя вспышку боли в руке, когда сломала что-то в его лице. Он ухнул и перекатился, быстрее, чем по её предположениям был способен дворф. Она уже решила, что убьёт его, если предоставится возможность, даже если это не его вина, даже если это означает потерю ценного союзника, но когда она шагнула к нему, встретила барьер. Проверка показала, что он пересекает комнату, которая, при близком рассмотрении, оказалась той, где он спал прошлой ночью. Они вернулись на ферму, на место, в котором у него было много времени на приготовления; она обменяла одну тюрьму на другую. Отсутствие предметов, которые можно использовать как оружие было, очевидно, намеренным.

Граку понадобилось какое-то время, чтобы подняться с пола и прохромать на выход. Амариллис снова задумалась о мудрости самоубийства, или возможно того, чтобы поранить себя достаточно, чтобы Фенн или Джунипер заметили, но времени для этих мыслей было немного, поскольку Грак вернулся с Фаллатером.

Эльф внимательно наблюдал за тем, как Грак изменяет обереги, а затем без слов взял её зафиксированную руку.

* * *

- У Джунипера связь душ со мной - сказала Амариллис, как только взгляд Фаллатера снова сфокусировался на мире. Ему понадобилось десять минут, чтобы изменить её, но даже на полпути она ощущала, как испаряется решимость выполнять свои планы, что бы там ни чувствовала. - Можешь это видеть? - спросила она. - Он описывал это как тонкую линию, она позволяет ему просматривать и изменять мою душу на расстоянии. Он планирует использовать её как инструмент наблюдения, чтобы быть уверенным, что со мной ничего не произошло.

- О - произнёс Фаллатер, потирая подбородок. - Проблемно. Я не видел такого. Позвольте мне взглянуть снова.

Прошло ещё пять минут. Она держала рот закрытым, но осмотрела Грака. Он не съел даже одну фею в кошеле у него на бедре, и сейчас, когда она прошла те же изменения, что и он, она понимала, почему. Она не станет легко расходовать ресурс, который может быть использован для Фаллатера, если не уверена, что это в его интересах.

То, что она всё ещё чувствовала себя собой, удивляло. Фаллатер искажил её, и все её мысли, казалось, были повернуты в его направлении, но это всё ещё были её мысли, и под тем, что она чувствовала к нему, ощущался неприятный диссонанс. Потому что Фаллатер - это имя должно быть написано большими яркими буквами, достаточно большими, чтобы затмевать

любую другую мысль, потому что такую позицию он сейчас занимал в её разуме - связан с таким множеством концепций, воспоминаний, что даже в то время как она была готова умереть за него, как бы он не затмевал все другие заботы, были точки трения. Её моральная система всегда была довольно гибкой, подчиняющейся прагматической необходимости, но сейчас она изгибалась так, что это откровенно раздражало. Новая она сводилась к "делать то, что хорошо для Фаллатера", но она была не только этим - у неё оставалось желание самосохранения, хотя она и умрёт за него, если понадобится, и она хотела быть лучшей и самой важной среди его союзников, не только чтобы лучше служить ему, но и из чистого желания автономии.

- Я не видел признаков этого - сказал вернувшийся Фаллатер. - Расскажи мне всё, что знаешь о Джунипере, начиная с самого важного, и предполагая, что Гракуил уже открыл всё, что знал.

Она поняла, открывая секреты, что то, что он сделал, имеет лимиты. Она хотела сказать ему правду, но не обязана была, и она понимала, что если действительно думала, что для Фаллатера лучше будет сказать ему ложь, она сделает это. Тем же образом она могла отказать ему, или противостоять ему, или даже ранить его. Была абстрактная концепция Фаллатера Вайтшелла, и вопрос определения, который тихо грыз её разум, пока она говорила, рассматривая все способы, которыми могла исказить и обернуть это определение для её собственных целей. Она хотела не только того, что хорошо для Фаллатера, она всё ещё заботилась о своей кхарасс и о себе, и о обитателях Аэрба - и все эти ценности не обязательно совпадали, и хотя если нужда заставит, она всегда выберет его, оставалось пространство для маневра.

- ...и остаётся вопрос пересекающегося нарратива, который, как Грак вероятно уже сообщил, направлен против вас. Скорее всего, фундаментально.

Она сама не понимала этого, пока не сказала; Утер Пенндрейг сталкивался с поражениями и травмами, но они почти всегда были временными, и никогда не были отплачены стократно. Если кто-то начинал своё пребывание в истории Утера с того, что наносил ему удар в спину и заставлял уползать, то заканчивал он уничтожением работы всей своей жизни, сожжением замка дотла, и оборачиванием всех друзей и союзников против него - и, разумеется, смертью, обычно жуткой. За своё время на Аэрбе Джунипер начал накапливать собственный список завершений историй, большинство которых заканчивались тем, что кто-то умирал. Он познакомил их с термином "бродяга-убийца" (пр. переводчика: murderhobo, ироничный англоязычный термин для приключенцев), который, вспоминая их путешествия, выглядел подходящим.

- Вы оба воспринимаете это так серьёзно - сказал Фаллатер. - Свидетельства слишком слабы. Задаюсь вопросом, нет ли некоего другого влияния, которое проще объяснит ваши совместные фантазии.

- Чем дольше мы остаёмся здесь, тем выше шанс, что он заглянет в мою душу и поймёт, что произошло со мной - сказала Амариллис. - Нам нужно как можно скорее придумать планы, на тот случай, если он будет знать, и на тот, если не будет. В идеале, следует найти мирное решение, или поворот ролей, или некую меру, с помощью которой история

может быть завершена без вашей смерти.

(И если Фаллатер умрёт? Она сделает всё, что в её силах, чтобы воскресить его, пока изменения в её душе не выдохнутся, как, чувствовала она уже сейчас, произойдёт. Она решила, что найдёт другого мага души, и постарается заставить его снова изменить её душу, поскольку без неё он почти наверняка будет навечно обречён на ад, или застрянет в бутылке на поясе Джунипера.

- Вы не думаете, что я действительно могу стать его учителем? - спросил Фаллатер. - Договориться, или даже сдать?

- Не после того, что вы сделали с нами - сказала Амариллис. Краем глаза она заметила, как Грак кивнул. - Даже если это отмените. Если сможете обратить то, что сделали, и стереть наши воспоминания...

- Нет, с воспоминаниями почти невозможно так работать, даже свежими, по крайней мере пытаться манипулировать ими через механизм души - сказал Фаллатер. - Что насчёт обращения того, что я сделал... Ваши души в настоящий момент нестабильны, поскольку проделанные мной изменения не укладываются в душе. Они в основном обратятся сами, если им это позволить.

- Но вы можете это сделать? - спросила Амариллис. - Временно, со мной, чтобы обмануть Джунипера?

- Да - кивнул Фаллатер через пару секунд. - У меня появилась идея. Встретимся с Лепенном.

* * *

Она любила Фаллатера краткий миг, и этот миг прошёл. "Любовь" - неточное слово, сделанное ещё более неточным природой магии, которую он использовал. У неё не было никакого романтического интереса к нему, ни семейной связи, и она не относилась к нему как к другу, но она всё же воспринимала его как нечто настолько важное, что термин "любовь" казался подходящим.

Она помогла с планом, который, как надеялась сейчас, провалится. Держалась спокойно, пока её кости копировались, смотрела, как Лепенн съел всех их фей (кроме одной, зарезервированной для Грака), чтобы исцелиться в её форму, и дала сколько могла советов и информации, как вести себя как она. Лепенну придётся полагаться на подсказки Грака, и был

существенный шанс, что Джунипер просматривал её душу, пока она была скомпрометирована, но Фаллатер сделал ставку на то, что шанс войти в его внутренний круг слишком ценен, несмотря на неотъемлемый риск.

Амариллис спорила, что сам Фаллатер должен занять её место. Ни Рета, ни Лепенн не владели магией души - он не лгал об этом, к её удивлению - что ограничивало их полезность как агентов. Но Фаллатер был непреклонен в его отказе; в конце концов, если Лепенн умрёт, это всего лишь Лепенн, слуга с душой настолько стабильной, насколько мог сделать Фаллатер, но в сущности заменимый.

Она согласилась на то, чтобы её связали и заткнули рот, и даже дала совет, как это сделать - как она могла этого не сделать, когда это могло помочь Фаллатеру? - и затем Фаллатер отменил изменения в её душе.

- Вы - инструмент давления - сказал ей Фаллатер, словно это было для неё новостью. Это она объясняла, что она что-то значит для Джунипера, что он может пойти на глупости, чтобы спасти её. - Но не думайте, что это всё, что вы есть, и если мы сможем прийти к некоему мирному решению, я надеюсь, что мы сможем работать вместе в будущем.

Это было очевидным безумием, но она не могла понять, было ли это потому, что он принадлежит культуре, столь отличающейся от её, из-за его заблуждения, или он просто издевается.

Они все вместе телепортировались к ветролому у дороги. Без её предыдущего решения оставить более скрытый подход это было бы слишком рискованно, но её предосторожность обеспечила им возможность, и Фаллатер испытывал оптимизм по поводу того, что Джунипер и Фенн задержатся (время встречи уже прошло, но они по крайней мере не появились на ферме). Он остался на ферме, ждать их там, но отправил нонаниму, так же как и Амариллис связанную и с кляпом, телепортироваться вместе с ними. Амариллис отметила её как компаньона, в которую Джунипер вроде бы вложился (пр. переводчика: на русском звучит весьма пошло :-). Но вообще-то там было *and one that Juniper seemed invested in* - "в которую Джунипер делал вложение на будущее", но это звучит хуже); нонанима даже была инструментом давления.

По прибытии, Грак и Лепенн-как-Амариллис осторожно проползли проверить, не ждёт ли машина, и никого не нашли, после чего остановились ждать. Амариллис положили рядом с нонанимой так, что она ничего этого не видела, и Рета, миньон Фаллатера, стояла над ними, сжимая ключ телепортации. План был проработан с помощью Амариллис, учитывая различные возможности, насколько возможно изолируя Фаллатера от риска, давая ему рычаги, которые невозможно забрать у него, просто убив его. Был приличный шанс, что Лепенн будет убит при первом контакте, но если нет, способность Джунипера заглядывать в её душу будет активно работать против него, дав ему ложный негативный сигнал. Это открывало путь для других планов, других контингентий, и, в итоге, захвата Джунипера.

Через два часа, которые Амариллиса провела лицом в землю некомфортабельно близко к нонаниме, Рета снова использовала ключ телепортации. В этот раз, когда боль

исчезла, они оказались в каком-то совершенно ином месте, которое, с ограниченной точки обзора Амариллис, выглядело состоящим в основном из гладких камней различных цветов, каждый размером с руку. Это было не слишком комфортное место, чтобы задержаться надолго. Она начала тужиться и извиваться, насколько позволяли путы. Через несколько минут этого, Рета, мускулистая женщина восьми футов роста, подняла её и вытащила кляп.

- Не плевать - сказала Рета.

- Мне нужно в туалет - сказала Амариллис. - Я не собиралась на тебя плевать.

- Ты выглядишь как плевальщица - сказала Рета. После того, как её подняли, Амариллис могла видеть больше территории, но это никак не изменило её изначального впечатления о том, что это место, состоящее в основном из гладких камней. Где-то вдали стадо зверей размером с автобус вроде бы собирали эти камни в рот.

- Идём - сказала Рета, однако в команде не было нужды, поскольку она несла Амариллис в одной руке.

Помощь её тюремщицы с туалетом была умеренно неприятна, и в процессе она приобрела мало какую информацию, хотя к удивлению Амариллис её кляп не вернулся на место, когда её уложили на камни рядом с нонанимой. Рета, со своей стороны, выглядела скучающей - обычное дело для всех охранников. Амариллис задавалась вопросом, насколько эта женщина на самом деле подходит для этой работы; в тюрьме было мало смысла создавать кого-то для специализированной роли громилы, к которой на первый взгляд можно было отнести Рету.

- Мне неудобно - сказала Амариллис. - Думаю, и Валенсии тоже.

Называть нонаниму по имени - привычка, которую стоит вырабатывать, если их группа когда-либо воссоединится. Если Джунипер увидит сквозь ложь, пробьётся через планы, и выиграет сражение. Здесь, говорить "Валенсия" было попыткой гуманизировать её в глазах их общей тюремщицы, хотя Рета, вероятно, знает её с рождения.

- Мне плевать - сказала Рета.

- Наиболее вероятный исход всего этого - что Фаллатер снова обратит меня на его сторону - ответила Амариллис. - У меня нет оружия, и нет имеющего значения обучения, худшее, что я могу сделать - сбежать в негостеприимную пустошь, и это если ты будешь так глупа, чтобы снять все мои верёвки, чего я даже не предлагаю. Просто ослабь их, чтобы я могла двигаться и не затекала. Так я буду ценнее для Фаллатера.

- Ты пытаешься мной манипулировать - сказала Рета. Она поёрзала; очевидно, на камнях ей было неудобно.

- Я пытаюсь найти некий общий интерес - сказала Амариллис, что было лишь в шаге от откровенной лжи. Она помнила, каково было воспринимать Фаллатера самым важным, и это давало ей представление, как формировать аргументы. Истинная манипуляция может быть позже.

Рета задумалась на пару секунд, затем ослабила пару узлов, достаточно, чтобы Амариллис могла сесть и найти более удобную позицию. Это было многообещающе, и давало ей нечто, с чем можно работать, именно то, почему Рете следовало ей отказать.

Когда она откинулась назад, она на миг прикоснулась к нонаниме, и хотя инстинкт призывал отдёрнуться, она позволила прикосновению задержаться. Нонанима была непредсказуема, однако это не означало, что она не может быть инструментом.

Амариллис заговорила.

- Это было не то, чего я ожидала, когда была порабощена им - сказала она.

- Порабощена? - спросила Рета. Амариллис ощутила порыв облегчения при этом ответе. Женщина сохраняла любопытство, и могла скучать из-за работы охранником. По словам Фаллатера, её душа была стабильна, но Амариллис полагала - надеялась - что в комплекте с этим шла менее чем идеальная преданность Фаллатеру, или по крайней мере с большей свободой для особенностей.

- "Порабощена" не совсем то слово - сказала Амариллис. - Фанатична? Преданна?

- Преданна - кивнула Рета.

- Я всё ещё была собой - сказала Амариллис. - Это убирает долю удара из того, что с тобой сделано. Не настолько аморально, как просто стирание разума.

В каком-то смысле это было хуже. Секреты, проливающиеся из её рта, те, о ком она заботилась, отброшены - она ощущала, как при мысли об этом поднимается гнев, и она придавила этот гнев. Её пальцы прикоснулись к нонаниме, ощупывая её верёвки. Прощупывание показало, что она не могла дотянуться до узла, не двигаясь, не то, чтобы она действительно собиралась освободить нонаниму, что бы там ни нащёптывали силы Джунипера.

- Но всё равно аморально? - спросила Рета, когда прошло немного времени.

- Я так не думала, когда была преданна ему - сказала Амариллис, старясь сохранять голос мягким. - Я думала, что всё, что ценно для него, хорошо. Сейчас... Я думаю иначе.

Рета закатила глаза.

- Меня никогда особо не интересовало, что хорошо и что плохо.

- Кем ты была до того, как попала в тюрьму? - спросила Амариллис.

- Почему? - спросила Рета. Она смотрела на животных, глотающих камни вдали. - Не кажется важным.

- Просто разговариваю - ответила Амариллис. Она снова прикоснулась к верёвкам, и подумала о том, чтобы прожечь их, как сделал Джунипер в шахте лифта. У неё была магия крови, пусть и несколько менее эффективная, чем была у него даже тогда, и её руки окажутся почти бесполезны, не говоря уж о том, что любая реакция нонанимы выдаст её (реакция, которую может выдать дьявол, или нонанима в ответ на боль ожога). Вариант, но не хороший. - У меня были другие интересы, другие идеи, когда я была преданна.

- Пытаешься найти общие интересы? - спросила Рета. Амариллис кивнула. - Я тебе не доверяю.

- И не надо - ответила Амариллис, насколько это было возможно в её связанном состоянии пожав плечами. Это было ещё и способом проверить, сколько у неё свободы движения; немного, но она не думала, что сможет снова попросить ослабить верёвки, по крайней мере пока что. Она была связана одной верёвкой, обмотанной вокруг лодыжек и запястий, соединёнными на длине, позволяющей толику свободы.

Рета топнула ногой по одному из камней, нахмурилась, затем подняла его и бросила вдалёк.

- Я была членом почётной стражи давно мёртвого сейчас короля - сказала она. - Мой народ - воины. Были воинами, если больше не существуют. Король воздерживался, когда начала восходить Вторая Империя, но его брат был более чем готов на переговоры. Это мои предположения. Король был убит во сне неизвестными агентами, и я была арестована по указу Двора Потерянного Короля.

Она повернулась взглянуть на Амариллис.

- Любопытно, как ты обернёшь это себе на пользу, принцесса.

- Просто убиваю время - сказала Амариллис, стараясь сохранять бесстрастный вид. Тюрьма Амореукс была изрядное время место для скидывания неугодных Англицинна, и правящий класс Англицинна почти полностью состоял из её родственников, по большей части дальних. Шансы на то, что любой из находящихся там будет иметь зуб на кого-то её происхождения, был весьма высок, но судя по тону большой женщины это, вероятно, означало, что заручиться её благосклонностью было не вариантом. Набор потенциальных линий разговора закрылся. - Можешь ослабить верёвки моей подруги?

- Она тебе не подруга - ответила Рета.

- Друг друга - сказала Амариллис. - Она имеет космическую важность.

- Нет - сказала Рета. Она отвернулась осматривать камни. - Я закончила с разговорами.

Амариллис сохраняла спокойствие. Дверь за дверью закрывались. Если она снова попытается заговорить, вероятно, кляп вернётся ей в рот. По плану они должны оставаться здесь до ночи, затем телепортироваться обратно в Парсмонт, в случайно выбранное Ретой место. После этого они используют кодовые сообщения, которые можно посылать и получать, не зная местонахождения обеих групп. Это было её идеей; способ сохранить её как инструмент давления, не давая Джуниперу возможности решить всё убийством, резервная стратегия на тот случай, если все другие пути провалятся.

Долгое молчание оказалось нарушено, когда нонанима стала извиваться и издавать звуки через кляп. Рета глянула на неё, а затем вернула взгляд к полю гладких камней. Существа, что ели камни, исчезли, но их место заняли несколько птичек, клюющих камни.

- Ей нужно в туалет - сказала Амариллис. - Мы тут задержимся на какое-то время, и думаю, нам обеим будет лучше не нюхать, если она обгадится. Я наполовину подозреваю, что дьявол сделает это просто назло нам.

Рета вздохнула и встала, затем подошла и подняла нонаниму на ноги, потянув за верёвку. Она отнесла её на какое-то расстояние, не демонстрируя напряжения от переноски, затем бесцеремонно стянула её бельё и подняла платье. Всё это наглядно показало Амариллис, насколько сильна эта женщина; это было ожидаемо, учитывая восемь футов роста, однако подразумевало, что в физической конфронтации вряд ли удастся победить. Однако какие другие варианты у неё есть? Рета была, учитывая всё, посредственным охранником, однако не было даже неочевидных слабостей, которые можно было бы использовать.

Когда нонанима закончила облегчаться и они стали возвращаться, Амариллис повернула руки к своим верёвкам и начала прожигать их, одна рука освобождала лодыжки, другая - запястья. Быстро последовала боль, и с этого момента главным было изо всех сил сдерживаться и не показать признаков боли, одновременно сохраняя достаточно концентрации на магии крови. Это решение было несколько поспешным, но даже если бы у неё было время на размышления, возможность отступить миновала в тот момент, когда она обожгла себя.

Под конец боль на миг превозмогла её, и она ощутила, как слёзы катятся по щекам, но затем она закончила. Сквозь слёзы она увидела, как Рета смотрит на неё, но не могла разобрать выражение лица огромной женщины. Вид того, как нонанима падает на камни был достаточным предупреждением о то, что готово произойти. Амариллис встала, чуть шатаясь - каждое движение было агонией в её руках, как Джунипер это сделал? - и смахнула тыльной стороной ладони слёзы, достаточно, чтобы взглянуть на Рету.

- Ты что делаешь? - спросила Рета.

Амариллис встала в боевую стойку на неровных камнях. Она держала руки перед собой, испытывая ослепительную боль, сменившую агонию. Она всегда была слаба в безоружном бою. А сейчас вдобавок имела дело с противником, имеющим преимущество в три фута роста, двести фунтов веса, и по крайней мере фут зоны досягаемости.

- На что ты надеешься? - спросила Рета. Амариллис почти видела нахмуренность сквозь слёзы в глазах, но недовольство было достаточно очевидно в голосе.

Амариллис дрожала от боли, и непрошенные слёзы ещё больше усложняли дело. Она попыталась перенаправить поток крови прочь от рук, в надежде на то, что нехватка циркуляции заставит их онеметь, и это постепенно начало работать, сдержав боль достаточно, чтобы она смогла сконцентрироваться. Рета всё ещё стояла перед ней, глядя на неё, и Амариллис осознала её проблему ещё до того, как она заговорила.

- У меня нет ещё верёвки - спокойно произнесла великанша. Она взглянула на нонаниму. - Похоже, одной из вас придётся отдать свою одежду.

Рета протянула руку и принялась вытаскивать нонаниму из её платья, на миг остановившись, чтобы разорвать его.

Амариллис выбрала этот момент, чтобы атаковать, поскольку если уж ты собираешься сделать нечто вроде сжигания существенного количества собственной кожи и плоти, ты уж точно не станешь после этого сдаваться на полпути. Она бросилась вперёд, омыв разум свежей болью, вызванной движением, с запахом горелой плоти в носу, и проскочила под замахом Реты.

Существовало нечто вроде школы боя, которой учили всех девиц по Аэрбу, если они аристократки или дочери кого-то важного, или просто их родители были осторожны. Согласно легенде, Утер Пенндрейг изобрёл этот стиль, когда родилась его собственная дочь, и он принялся изучать все формализованные правила физической агрессии, что смог найти, создав фундаментальную серию принципов и маневров, нарушающих все возможные правила, предназначенные делать бой честным.

Амариллис нацелилась на глаза, рискованный ход, учитывая, что это означало проскользнуть под защиту другой женщины, а урон её рукам означал, что такая атака будет чистой пыткой даже с онемевшими руками. Её пальцы едва работали, но внутренние повреждения её рук по большей части пощадил сухожилия, заставляющие её большие пальцы двигаться, так что она хлопнула руками по сторонам головы Реты - яркая, острая боль, раскалённая добела даже сквозь онемение - и вжала большие пальцы. Ей немедленно отбросили отмахивающимся ударом, но когда она оправилась (упала на камни, и ушиблась до костей), то получила пробирающее удовольствие от вида того, как Рета трёт лицо и спотыкается.

С этого момента это был бой калек, Амариллис по большей части не могла пользоваться руками, Рета по большей части не могла пользоваться глазами. Она не была полностью ослеплена, поскольку даже несмотря на то, что глаза неожиданно хрупки, к ним сложно приложить достаточно силы. Тем не менее, видеть ей было сложно, и хотя тело Амариллис болело, она была в достаточно приличной форме, чтобы сражаться с кем-то, чьи замахи по большей части уходили в молоко.

Наконец Амариллис получила преимущество после пинка точно в нужный момент, нацеленного в колено Реты, когда весь её вес был на этой ноге. Амариллис потребовалось вложить в этот пинок почти все силы, безрассудная атака, однако послышался неприятный хруст, и нога Реты потеряла баланс на камнях, чуть пошатнулась, а затем колено вывернулось назад. Рета вскрикнула от боли и упала, и Амариллис упала на неё, снова и снова нанося локтём удары великанше в голову. Каждый удар посылал новый разряд боли по руке Амариллис.

Убийство было совершено после того, как Рета потеряла сознание. Амариллис подобрала запястьями один из камней, и изо всех сил вогнала его в центр лица Реты. Она проверила пульс (до смешного сложно без использования пальцев) и дыхание, и не обнаружив их, наконец-то смогла ненадолго расслабиться.

И расслабление означало боль. Кровь вновь прилила к её рукам, и покалывание вернувшегося кровообращения было предвестником букета боли.

Какое-то время она кричала и плакала, поскольку было хорошо кричать и плакать, но в итоге она прекратила и вновь поборолла боль, чтобы изучить окружение.

У неё были ключ телепортации, труп восьмифутовой женщины, и связанная нонанима, смотрящая на неё широко раскрытыми глазами.

- Не уверена, что я должна была сама себя спасать - сказала она. Она собрала силу воли, чтобы руки перестали дрожать, поскольку это ухудшало боль, но они не слушались.

Единственный вопрос был в том, куда телепортироваться. Джунипер где-то там почти наверняка был готов попасться в ловушку Фаллатера, но не зная, где он, она мало что могла с этим сделать. Телепортация куда-то была сопряжена с опасностью, просто из-за того, какую ценность представляет ключ телепортации, однако оставаться в этой земле гладких камней было не вариантом, учитывая, что у неё не было ни воды, ни пищи, ни убежища, ни медицинской помощи. Она выпустила дрожащий вздох. Боевое напряжение оставило её, и было такое ощущение, что осталась лишь побитая и обожжённая шелуха. Она нуждалась в помощи.

Она бросила взгляд на нонаниму.

- Бл* - сказала она, затем встала и побрела к ней. Учитывая состояние её рук, вытащить кляп было крайне сложно, и когда наконец справилась, засунуть его обратно было

бы просто невозможно.

- Я союзник - сказала нонанима.

- Вот как? - произнесла Амариллис. Она снова попыталась заставить свои руки перестать дрожать, и на этот раз они немного послушались. Солнце начинало заходить.

- Что-то произошло в подвале, когда я была с Джунипером - сказала нонанима. - Что-то во мне изменилось. Я получила силу, и свободу от одержимости. Похоже, он ожидал чего-то подобного.

- Он идиот - ответила Амариллис. Она хотела лечь и уснуть, как бы сложно это ни было, учитывая, насколько ей было больно. В таком состоянии рациональная оценка сложна, а против дьявола ей нужно быть в лучшем состоянии. Подходя, она думала, что может справиться, но попытка работать с логическими следствиями того, что сказала нонанима оказалась сложной. Дьяволы могут быть хитры, мастера социалки, идеальные лжецы, но больше всего сейчас Амариллис была нужна помощь, и это казалось риском, на который ей придётся пойти. Джунипер, вероятно, поднял её лояльность выше десяти, против совета Амариллис, но это не означает, что она сказала правду. Он очевидно не освободил её из подвала, что означало, что он тоже не был полностью уверен. И он ничего не сказал о повышении лояльности. - Есть какие-то доказательства?

- Нет - ответила нонанима. - В том, что он говорил, не было ничего, чего я не могла бы узнать другими способами.

Амариллис кивнула.

- Угу, потому что это было бы слишком просто. - Она взглянула на свои дрожащие руки и снова попыталась заставить их остановиться. Похоже, они начинали снова, когда она переставала обращать на них внимание. - Грёбанные дьяволы.

- Если ты меня освободишь, я могу тебе помочь - сказала нонанима. - Думаю, я могу захватить какого-нибудь с медицинскими знаниями.

- Мне нужна магия - сказала Амариллис. - Лучшее, что мы можем сделать, это обмотать их тканью.

- Тебе нужна пара рук - сказала нонанима.

- Угу - со вздохом сказала Амариллис. Она бросила взгляд на труп в нескольких футах от неё. Если бы она обладала магией кости, проблему пульсирующей боли в её руках можно было бы решить за считанные минуты. Симбиоз, как это называлось; Фенн получила магию кости как прокси. Она попыталась поднять свою лояльность, прийти к персональному

откровению, которое позволит ей получить доступ к новым способностям, но если это и сработало, немедленного эффекта не было.

- Ты страшный боец - сказала нонанима. - Я думала, ты умрёшь.

- Она не хотела меня убивать, что дало мне преимущество - сказала Амариллис. А ещё я сражалась лучше, чем должна бы, гораздо лучше, чем позволяло полученное обучение. Я дралась, как опытный ветеран мордобоя. - Ты сказала, что в подвале что-то произошло?

- Что-то, что он знал, что оно произойдёт - сказала нонанима. - Это было не то, что он думал может быть, но он не уточнял. Это обратило расклад, превратило меня в питаемую ими топку. Я ем демонов.

- Дерьмо - сказала Амариллис. Разве Джунипер не сказал бы ей, если бы что-то такое произошло? Возможно, нет, поскольку там был Грак, или учитывая её предыдущее мнение по этому вопросу. Могут ли дьяволы понять нечто такое, как повышение Лояльности без пояснений Джунипера? Неизвестно. Стал бы Джунипер пояснять? Тоже неизвестно. То, что говорила нонанима - Валенсия, он дал ей имя - укладывалось, если полагать, что сила Джунипера почти всегда работала на его благо, и если полагать, что бесполезных компаньонов он не получит.

Сидя на неудобных камнях, покрытая ушибами, глядя на свои обожжённые руки и пытаясь игнорировать боль, или по крайней мере сохранять ясность мысли несмотря на неё, Амариллис задумалась об этом последнем предположении. Какие бы силы ни действовали, они не предотвратили вызывание компаньонами проблем. Чёрт, да с его быстро эволюционирующим набором навыков, Джуниперу, вероятно, было бы лучше отправиться на границу Земель Восставших, чем встречаться с ней. С её перспективы, проведённое ими вместе время было литанией провалов и отбрасываний назад - поймана Ауманном, заразилась крысиной гнилью, преследуется Ларкспуром, а затем захвачена и обращена Фаллатером, что само по себе было серией провалов, смешанных вместе.

((Ладно, тут я немного преувеличиваю, но она призналась мне, что так чувствовала, после того, как мы снова оказались вместе. Эм, спойлеры, полагаю, но вы уже знаете, что я в порядке и Фаллатер мёртв, а после смерти мага души его двух миньонов вопрос только в том, что случилось с Амариллис и Валенсией, и как они воссоединились со мной, о чём, полагаю, вы тоже уже догадались, потому что как ещё я обо всём этом узнал?

Но о чём она не говорила - это о мертворождённой романтике, которая, полагаю, тоже была частью её размышлений. Почему она мне об этом не говорила - достаточно очевидно, но я полагал, что это было включено в её список провалов, если она переживала по поводу себя и своих способностей в качестве члена команды. Тем не менее, есть лимиты того, что я готов сказать о мыслях в её голове.

Ладно, возвращаемся к истории.)))

- Что для тебя Джунипер? - спросила Амариллис.

- Я не знаю - сказала Валенсия. - Он сказал, что хочет быть другом. Помочь мне. Я знаю не очень много людей. Большинство из них - Фаллатер. Джунипер может выглядеть менее, когда я буду знать больше, но я не думаю, что будет.

Она не сказала, менее что.

- Я тебя освобожу - со вздохом сказала Амариллис. Она взглянула на свои руки. - Это может занять какое-то время.

Временами кажется, что должен быть лимит того, насколько что-то может болеть, прежде чем ваше тело решит "ладно, думаю, ты уже поняла, так что пока что заткнись".

В конце концов, работая в основном большими пальцами, Амариллис сумела достаточно ослабить узлы, чтобы Валенсия смогла освободиться. Меньшая персона, нежели Амариллис Пенндрейг, могла бы уступить судьбе, но Амариллис оставалась настороже, словно она могла что-то сделать против бойцовских способностей демона в смертной форме.

- Ты мне не доверяешь - сказала Валенсия, потирая свои запястья и лодыжки.

- Нет - сказала Амариллис.

- Тогда почему ты меня освободила? - спросила Валенсия.

- Необходимость - ответила Амариллис. Впрочем, это было не совсем правдой. - Это то, что сделал бы Джунипер. Его инстинкты для таких вещей лучше.

- Вещей, связанных с людьми? - спросила Валенсия, наклонив голову.

- Нет - сказала Амариллис. - Другие вещи. Я объясню потом, если... если будет безопасно.

- Ладно - тихо сказала Валенсия. Прикоснулась к разрыву в своём платье. - Мы будем как сёстры?

Амариллис могла бы недовольно вздохнуть, но она держала руки перед собой, чтобы они ни к чему не прикасались, и мускулы её тела ныли от напряжения борьбы с болью, не говоря уж о полученных ей ушибах.

- Пойдём - сказала она. - Мне нужно, чтобы ты обыскала тело и нашла ключ

телепортации, а затем передала его мне. Мы уходим отсюда.

- На ферму? - спросила Валенсия. - В Парсмонт?

- Нет - ответила Амариллис. - В более рискованное место.

* * *

С того момента, как они с помощью ключа телепортации спаслись из Земель Восставших, Амариллис сохраняла бдительность. Она предпочитала тёмные аллеи, особенно такие, где по сторонам были небольшие ниши, образуемые, скажем, запертой дверью, или застроенным проходом, или редко используемым служебным проходом. Когда она замечала такое место, она заходила туда, обходила его пределы насколько возможно, а затем возвращалась обратно по своим следам. Все эти места были отмечены на обзоре, предоставляемом ключом телепортации.

Когда они прибыли, Валенсия уже двигалась, вставая перед Амариллис в боевую стойку, которую можно было опознать как таковую только потому, что не было другого объяснения, что она делает. Амариллис могла бы её остановить, если бы не пыталась подавить вспышку боли, сопровождающей использование ключа.

- Тебе из-за этого больно? - спросила Валенсия, расслабляясь и поворачиваясь к Амариллис.

- Угу, это больно - ответила Амариллис. Она держала ключ телепортации между запястий, и, боясь худшего, передала его Валенсии, просто потому, что других вариантов не было. Валенсия, однако, сунула ключ в маленький кармашек на одежде Амариллис, похоже, не понимая значимости этого жеста. - Пойдём, нам нужно увидаться с магом кости.

Изображать туземцев было достаточно просто; Амариллис держала руки перед собой, временами прося подаяния, которого, она была уверена, не получит. Платье Валенсии было разорвано, и ни одна из них не носила обуви (Обувь Амариллис досталась её двойнику, вместе со всей бронёй, а Валенсии - осталась где-то там). Ещё до того, как шагнули на улицы Драгоценности Пустыни, они были грязными. Тем не менее, взгляды на них бросали; даже как нищенки, даже ужасно раненые, они были парой молодых привлекательных женщин.

Они добрались до маленького заведения с костью на вывеске над дверью, и вошли без стука. Амариллис уселась, в то время как бледная женщина с чёрными пятнами встала из-за своего стола.

- Экстренный случай - сказала Амариллис, откидываясь назад. Она устала до костей - боль имеет такой эффект, если терпеть её достаточно долго. - Заплачу позже.

- Она... - произнесла Борманн, нахмурившись оглядывая Валенсию.

- Нонанима? - спросила Валенсия. - Нет, просто не повезло происходить из дурного рода.

Её акцент радикально изменился, потеряв слабый след эльфийского, который у неё был, и став образцовым Англицинским английским. Она мрачно усмехнулась. - Как будто в наше время кто-то позволит нонаниме пережить младенчество.

- Некоторые матери позволят - сказала Борманн, но она выглядела удовлетворённой объяснением. Она подошла к Амариллис, и без замечаний взялась за работу, сперва осмотрев её руки, затем другие травмы. - Обычно я не принимаю пациентов, которые не могут заплатить.

- Но то, что я была откровенна об этом, помогает, верно? - спросила Амариллис. Юмор никогда не был её сильной чертой, так что шутка не зашла даже близко.

- Снова сомнительное использование магии крови, как в прошлый раз? - спросила Борманн, чуть откинувшись на своём кресле и осматривая Амариллис.

- Учитывая обстоятельства, оно не было сомнительным - сказала Валенсия, и Амариллис против своей воли ощутила благодарность за то, что не нужно искать силы, чтобы ответить самой. - Мы сможем заплатить вам двойную цену от обычной платы в течение двадцати четырёх часов. Как вы понимаете, приоритет был в том, что бы в первую очередь попасть сюда.

Снова другая личность, окутывающая её словно плащ.

Борманн бросила взгляд на неё, затем снова на Амариллис.

- В таком случае, счёт будет четыре миллиона тчер - сказала она, и встала со своего места, чтобы достать кости. - Вам следует поблагодарить свою подругу, полуэльфийку, за установление хороших рабочих отношений.

Кости постукивали и дребезжали, когда их снимали с нитей, на которых они висели, и Амариллис на секунду закрыла глаза, наконец позволив себе расслабиться.